

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН КАК ДЕТЕРМИНАНТА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье рассматривается роль институтов и институциональных отношений в теории международной экономической интеграции. Доказывается, что для успешного развития интеграционных процессов необходим институциональный паритет и достаточный уровень экономического и цивилизационного развития.

It is proved that for the successful development of integration processes necessary institutional parity and a sufficient level of economic and civilizational development.

Ключевые слова: институт, международная экономическая интеграция, институциональный баланс, надгосударственные институты, показатели развития страны.

Keywords: institutions, international economic integration, institutional balance, supranational institutions of developed countries.

Исследования взаимосвязи институтов и пространственной интеграции получили развитие после 1970 г., несмотря на то, что роль географии в экономической науке была осознана достаточно рано (по меньшей мере с работ фон Тюнена) [1]. В 1970-х гг. вместе с «институциональной революцией» в экономической науке начинает формироваться понимание роли институтов, как участников игры, в которой правила поддерживаются неким механизмом принуждения [2], а также роль этих правил в процессах установления экономических отношений, создания блоков и их распада.

Институциональная революция определяет своей главной задачей создание эффективного, сбалансированного, саморегулируемого государственного механизма, в котором исключена возможность клановости или узурпации власти. Для этого может быть реализована радикальная реформа института общественных палат и преобразования их в полноценные органы общественного контроля со вполне реальными и широкими полномочиями воздействия на исполнительную власть как на федеральном, так и на местном уровнях, т. е. речь идет о создании полноценного института общественного контроля.

Семак Елена Адольфовна – доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений БГУ, кандидат экономических наук, доцент.

Под понятием «институт», в рамках настоящей работы, мы предлагаем понимать смыслообразующую базовую структуру дуальной природы, формирующую свод правил и норм и являющуюся гарантом их исполнения, обладающую внутренней структурой, механизмом принуждения и потенциалом самостоятельной эволюции, выполняющей функцию структурирования взаимодействий экономических и социальных агентов в хозяйственной и иной деятельности. Дуальная природа понятия заключается в том, что институт является одновременно правилом, формирующим поведение, и закрепляемой поведенческой нормой, перерастающей в свод правил.

Институциональная структура экономики любой страны – это прежде всего результат совокупности предыдущих действий государства и общества с последующим эволюционным отбором наиболее эффективных институтов. Логично предположить, что страны, характеризующиеся целостным историческим процессом (без обилия революций, войн и иных социальных потрясений), имеют более развитые и укорененные институты, в то время как государства, переживающие частые смены формаций, характеризуются слабым развитием институтов, низкой их эффективностью. Таким образом, сама логика экономического и социального развития предопределила наличие в Западных странах с рыночной экономикой развитой институциональной структуры, соответствующей доминирующему способу экономической координации, благодаря чему эти страны могут позволить себе использование методов прямого и косвенного государственного вмешательства в целях проведения желательной экономической политики без значительного ущерба для всего национального хозяйства.

Поскольку экономические институты в подобных странах находятся в стадии формирования или вообще отсутствуют, их институциональная структура включает также институты, характерные не только для рыночного порядка, поэтому различные способы экономической координации часто вступают между собой в конфликт. Эффективность таких переходных экономик значительно ниже развитой рыночной и даже централизованно управляемой системы. Если государство в условиях переходной экономики излишне регулирует экономические отношения, складывающиеся на рынках, то это отрицательно сказывается на темпах и качестве формирования соответствующих рыночных институтов. При этом возникает парадокс: государственное вмешательство осуществляется как компенсация недееспособности рыночных механизмов, а последние, в свою очередь, не могут эффективно функционировать из-за отсутствия необходимой институциональной структуры.

Таким образом, можно резюмировать, что меры государственной политики развитых стран могут быть применены в условиях переходной эко-

номики ограниченно, исходя из существующих в каждом конкретном случае реалий. В отличие от биологической эволюции, в социуме признаки и характеристики не передаются по наследству, а усваиваются, приобретаются, наследуются в ходе обучения в социальных организациях и группах. Если в природной среде происходит наследование признаков родителей, то в социуме наследуется опыт традиций социальных коллективов и общества в целом [3].

Импорт (и тем более экспорт институтов, ставший довольно популярным у развитых стран-носителей агрессивной демократии) может считаться не только малоэффективным, но и в значительной степени негативным явлением. Нарушая естественный ход собственного экономического развития страны, институциональный экспорт вступает в конфликт со сложившейся аутентичной системой и подрывает возможность самостоятельного институционального развития страны, обеспечивая ей период конфликтов и адаптации новых институтов. Здесь надо отметить, что ассимиляция может так и не состояться, поскольку развитый институт либо не в состоянии полноценно функционировать в условиях слабого развития страны-реципиента, либо с неизбежностью попадает в сферу интересов кланов, властных группировок и олигархата, становясь орудием для обеспечения их интересов.

Существуют вариации институциональной ловушки: в случае недостаточного уровня развитости государства ввод новых формальных правил может быть затруднен прямым противодействием заинтересованных групп [4] либо новые своды правил и норм могут быть непосредственно использованы такими группами для максимизации своих клановых интересов, что чаще всего идет вразрез с целями общественного благосостояния. Яркий пример тому – сложившиеся в российской экономике в целом и на отдельных рынках в частности неравновесные ситуации, которые являются следствием действий не государства, а определенных социальных групп (групп специальных интересов), которым состояния неравновесия выгодны и чьи позиции непосредственно влияют как на введение новых формальных правил, так и формализацию бытующих неформальных практик [5].

Таким образом, политика государства в переходной экономике должна быть в первую очередь направлена на создание условий для становления институтов и, следовательно, эффективной институциональной структуры.

Основные типы институциональных изменений могут быть сведены в таблицу (табл. 1).

**Типы институциональных изменений в контексте
эффективности для социума**

Тип институционального изменения	Генезис	Эффект для социума
Инкрементные изменения	Происходит за счет закрепления неформальных правил, норм, институтов в относительно малых группах с семейно-родственными связями. Эффективно снижают трансакционные издержки для членов группы	В зависимости от характера иницирующей группы может быть как отрицательным, так и положительным
Эволюция	Возникающие неформальные практики постепенно закрепляются как общепризнанные в формальных институтах	Положительный
Революция	Проявляется при экзогенном заимствовании институтов либо их «импорте»	Отрицательный

Здесь можно отметить, что инкрементные изменения могут являться также началом для дальнейших эволюционных изменений образовавшегося института.

В целом можно выделить два типа институциональных изменений: эндогенные и экзогенные. Эндогенными являются трансформации институциональной структуры экономики, осуществляемые путем эволюционного изменения существующих правил и норм, составляющих основу институтов. Соответственно, экзогенные институциональные изменения являются по своей природе более радикальными, чаще всего проявляются при импорте институтов и относятся к революционным изменениям. Импорт институтов возможен только тогда, когда вектор развития имеющихся «отечественных» институтов совпадает или, по крайней мере, не противоречит требованиям сознательно внедряемых институтов [6]. Экзогенные институциональные изменения осуществляются и в том случае, когда институты конструируются на основании идеологий и теоретических построений, которые нигде не существовали на практике. Примером этому может служить конструирование нового общества и новой экономики после Октябрьской революции в России 1917 г.

Объяснение способа эволюционного институционального отбора можно привести в зависимости от предельной выгоды (количество блага/издержки) при функционировании того или иного института. В расширенном

порядке закрепляются институты, которые при росте числа индивидов, следующих в рамках их правил и ограничений, дают возрастающую предельную отдачу для всей группы, в рамках которой применяется данный институт. Причем, следуя традиционной теории групп, группа, как правило, должна быть большая [7].

Действия в рамках таких институтов будут привлекательными для большинства индивидов (экономических агентов) в группе, поэтому для выполнения правил и ограничений, предписываемых институтом, нет необходимости в принуждении.

Необходимо отметить, что все вышесказанное в полной мере относится к национальным государственным и социальным институтам, исторически развивающимся в едином ключе, обладающим генетическим родством и комплементарностью. В случае региональной интеграции и формирования межнациональных, надгосударственных институтов данное справедливо лишь при условии определенной степени институционального единства стран, т. е. обязательным условием собственно успешной интеграции является схожесть национальных институтов стран, вступающих в объединение. К примеру, ядром интеграционных процессов в Европе, являющихся в настоящий момент в данной области эталоном (причем не в силу близости к некой идеальной интеграционной группировке, а в силу наибольшей степени развития интеграционных процессов относительно других интеграционных образований, существующих в мире на сегодняшний день), выступили именно страны, отличающиеся значительной степенью схожести в институциональном отношении.

Высокая степень институционального единства, характерная для стран Европы, обусловлена географическими особенностями – на европейском континенте исторически формировалось значительное количество сравнительно небольших по размеру стран («лоскутное одеяло»), которые в силу тесного соседства и меняющихся в разные исторические эпохи границ фактически являются обладателями единой культурно-исторической матрицы. Следствием этого является характерная для всех европейских стран (за незначительным исключением) высокая степень сродства основных институтов – культурных, религиозных, социальных и хозяйственных.

Анализируя интеграционные процессы, мы приходим к выводу, что в институциональном балансе стран, вступающих в интеграционное объединение, наибольшую роль играет родство первичных культурно-исторических институтов, поскольку именно форма старейших институтов влияет на все последующие институциональные формы, возникающие в различных сферах жизнедеятельности социума. Данный тезис наглядно иллюстрирует проблема эмигрантов из мусульманских стран в Европе. Способность к ассимиляции в культуру стран пребывания у них крайне затруднена, вплоть

до полной неспособности к таковой. Вместо интеграции в социум принимающей страны они образуют собственные гетто, анклавы и диаспоры, де-факто отчуждая целые городские районы.

Факты девиантного поведения эмигрантов из стран мусульманского мира в развитых странах позволяют построить умозрительный тренд и предположить полную невозможность интеграции между этими странами на государственном уровне. Разница в экономическом развитии, экономических и социальных институтах здесь будет вторичной причиной относительно разницы в культурно-историческом плане, в религиозных институтах, выступающих солирующим фактором.

В противоположность этому интеграция стран Европы и Северной Америки теоретически легко осуществима, поскольку «генетически» североамериканские институты имеют европейские корни, следовательно, для них характерна высокая степень преемственности и институционального сродства.

Наиболее развитым интеграционным сообществом в мире на данный момент является Евросоюз. Он включает в себя наибольшее количество институтов и органов относительно всех других существующих сообществ. Основными из них являются Европейская комиссия, Совет Европейского союза, Европейский совет, Суд Европейского союза, Европейская счетная палата и Европейский центральный банк, Европейский парламент.

По нашему мнению, часть указанных надгосударственных институтов имеют определенные национальные прототипы в рамках отдельных государств. Другие (Совет Евросоюза, Комиссия Евросоюза) представляют собой эволюционную трансформацию института при выходе его за рамки государственного масштаба отдельной страны. Мы находим, что формирование такого количества эффективных институтов явилось возможным именно вследствие высокой степени институционального сродства стран – основателей Евросоюза. В частности, напомним, что созданное в 1957 г. Европейское сообщество включало в себя Францию, ФРГ, Италию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург – граничащие друг с другом страны, крайне схожие в культурно-историческом плане. В течение длительного исторического периода границы этих стран «плавали», неоднократно менялась принадлежность приграничных областей. Люксембург до обретения суверенитета в разное время являлся территорией Франции, Германии, Голландии и Бельгии. Бельгия, в свою очередь, имеет в своей истории периоды, когда она относилась к Нидерландам и Франции. Вследствие этого данные страны имеют несколько государственных языков, среди которых, наряду с национальными, также немецкий и французский. И этот же факт обуславливает институциональное единство в данном регионе. Основная религия в данных странах – христианство, наиболее распространены католическая и протестантская ветви. Государственное устройство, вне

зависимости от принятого государственного строя, включает такие институты, как парламент и правительство, суд, различные формы собраний (советов), исполняющих в разных странах сходные функции. Кроме этого, во время франко-германского соперничества Бельгия, Нидерланды и Люксембург выступали в качестве буферных государств, что в совокупности с небольшими размерами данных стран также наложило единый своеобразный отпечаток на ход их институционального развития.

Таким образом, формирование надгосударственных институтов при объединении этих стран не составило затруднений. Вышесказанное в той же мере справедливо и для другой части будущего Европейского союза – ЕАСТ, образованной в 1959 г. Великобританией, Австрией, Данией, Норвегией, Португалией, Швецией и Швейцарией.

Можно отметить, что Совет ЕС и Парламент ЕС являются институтами, непосредственно наследующими таким политическим органам, как правительство и парламент в их национальной, внутригосударственной форме. Это же утверждение справедливо для Суда ЕС. В то время как Европейский совет, основной функцией которого является определение стратегии дальнейшей интеграции, по нашему мнению, относится к высшей форме эволюции надгосударственных институтов и не имеет институциональных прототипов среди национальных государственных органов. В свою очередь, формирование единого Европейского Центрального Банка явилось следствием валютной интеграции. Это самый молодой орган ЕС, представляющий собой наднациональное объединение центральных банков ряда стран-участниц.

В сравнении с Евросоюзом НАФТА, как объединение с меньшей степенью интеграции, имеет значительно менее развитую институциональную структуру, включающую в себя два органа: Комиссию по свободной торговле и Координирующий Секретариат НАФТА.

Комиссия по свободной торговле, являющаяся центральным институтом НАФТА, несет преимущественно наблюдательную функцию. Она контролирует осуществление и дальнейшую разработку Соглашения, а также помогает разрешать возникающие споры.

Координирующий Секретариат НАФТА, в свою очередь, призван служить официальным архивом работы НАФТА и выполнять роль рабочего секретариата при Комиссии.

Комиссия по свободной торговле НАФТА наблюдает за осуществлением и дальнейшей разработкой Соглашения и помогает разрешать споры, возникающие при интерпретации Соглашения. Она также наблюдает за работой более чем 30 комитетов и рабочих групп НАФТА. В нее входят представители на уровне министров торговли стран – участников, т. е., по сути, генетически она слабо связана с существующими государственными институтами США, Канады и Мексики либо же, напротив, может обнару-

жить прототип практически в любом государственном или экономическом органе на уровне Совета. Это одновременно обусловлено как меньшей степенью институционального паритета в сравнении со странами Европы, так и меньшей степенью интеграции стран НАФТА, поскольку меньшая степень интеграции обуславливает отсутствие необходимости в развитом, сложном институте с широкими полномочиями.

Для Секретариата НАФТА, выполняющего архивную и секреторную функции, прототип можно обнаружить в любом государственном учреждении, т. е. эволюционно этот орган представляет собой классический институт, получивший надгосударственные черты.

Таким образом, можно видеть, что НАФТА не только имеет более упрощенную по сравнению с ЕС институциональную структуру, но и ее институты выполняют гораздо меньше функций. Помимо более низкой степени интеграции этому способствует большая, нежели в Европейском сообществе, разница между странами-участницами (напомним, что НАФТА является формированием, объединяющим две развитые и одну развивающуюся страну). При усилении углубления интеграционных процессов в НАФТА можно прогнозировать развитие существующих институтов, а также образование новых органов, обеспечивающих и функционирование единого экономического пространства, и дальнейшее течение интеграционных процессов.

Еще в меньшей степени сформированы институты южноамериканского интеграционного сообщества. В. Н. Подгусков, исследовавший тему формирования интеграционных пространств в условиях глобализации, в своей диссертации указывает, что трудности, с которыми сталкиваются МЕРКОСУР, определяются главным образом недостатками его институциональной структуры и отсутствием органов с наднациональными полномочиями [8]. В своей работе он пишет, что решением большей части существующих проблем явилось бы наделение существующих органов большим количеством полномочий, придание им структурности и наднациональности. С теоретической точки зрения данное утверждение, безусловно, верно. Однако мы считаем необходимым уточнить, что условия, существующие на данный момент в странах МЕРКОСУР, делают данную рекомендацию фактически невыполнимой. В рамках настоящего исследования нами было показано, что интеграция – это эволюционно обусловленный региональный процесс, неизбежно протекающий при условиях высокой степени институционального паритета и значительной степени экономического развития. Опыт НАФТА в данном случае являет собой исключение, подтверждающее правило, поскольку в данном случае: интеграция ограничена торговой зоной и не демонстрирует значимых тенденций к развитию; развивающаяся страна (Мексика) форсированно догоняет более развитых участников по экономическим показателям.

Таким образом, мы считаем, что какие-либо прогнозы относительно дальнейшей тенденции в интеграционных процессах НАФТА могут быть сформированы лишь после перехода слабейшего члена группировки на новый уровень развития.

В целом же попытка форсированной интеграции при несоблюдении одного из двух вышеуказанных условий (институциональный паритет и высокий уровень развития) может продолжаться до тех пор, пока условия не будут выполнены либо пока группировка, создаваемая преимущественно под влиянием общемировых тенденций, нежели в ходе естественных процессов внутри государств и между ними, не распадется. Необходимость достижения определенного уровня экономического развития, на наш взгляд, имеет простое и логичное объяснение: страна с низкими экономическими показателями (либо любыми другими показателями, определяющими общий цивилизационный уровень) концентрирует ресурсы на решении внутренних проблем и по определению не может поддерживать процессы интеграции, происходящие преимущественно вовне.

Однако Подгусков считает, что при всем вышесказанном МЕРКОСУР обладает наиболее выраженной структурой относительно других тихоокеанских и карибских группировок южного полушария, т. е. институционально АСЕАН, АТЕС, ЛАИ, КАРИКОМ и другие представлены еще слабее.

В табл. 2 приведен сравнительный анализ организационно-институциональной структуры основных интеграционных группировок.

Таблица 2

**Сравнительная институционально-организационная структура
ряда наднациональных организаций**

Организация	Степень интеграции	Этап интеграции (от 1 до 5)	Количество наднациональных органов
Евросоюз	Экономический, политический, валютный союз	Пятый (достигнут последний этап интеграции, дальнейшие интеграционные процессы протекают в его рамках)	10 (Комиссия Евросоюза; Европейский совет; Европейский парламент; Суд Евросоюза; Конференция комитетов по европейским делам; Экономический и социальный комитет; Комитет регионов; Европейский инвестиционный банк; Европейская система центральных банков; Палата аудиторов)

Организация	Степень интеграции	Этап интеграции (от 1 до 5)	Количество наднациональных органов
НАФТА	Зона свободной торговли	Первый (тенденций к дальнейшему развитию интеграционных процессов не наблюдается)	2 (Комиссия по свободной торговле; Координирующий секретариат)
МЕРКОСУР	Общий рынок	Третий (тенденций к активному развитию интеграционных процессов не наблюдается)	5 (Совет общего рынка; Группа общего рынка; Объединенная парламентская комиссия; Социальный и экономический консультативный форум; Административный секретариат)
ЛАИ	Таможенный союз	Второй (тенденций к активному развитию интеграционных процессов не наблюдается)	3 (Совет министров иностранных дел; Комитет представителей стран-участниц; Генеральный секретариат)
АН	Зона свободной торговли, таможенный союз	Второй (тенденции к дальнейшему развитию и следующему этапу – созданию общего рынка)	14 (Президентский совет; Совет министров иностранных дел; Комиссия Андского Сообщества; Общий Секретариат Андского сообщества; Андский суд; Андский парламент; Андская корпорация развития; Андский предпринимательский консультативный совет;

Организация	Степень интеграции	Этап интеграции (от 1 до 5)	Количество наднациональных органов
			Андский консультативный совет по трудовым вопросам; Латиноамериканский резервный фонд; Андский Университет Симона Боливара; Конвенция Симона Родригеса; Конвенция Ипполита Унануе; Конвенция Андреса Белло)
СНГ	Префекциальные торговые договоры	Предварительный (тенденций к активному развитию интеграционных процессов не наблюдается)	11 (Совет глав государств; Совет глав правительств; Совет министров иностранных дел; Совет министров обороны; Совет командующих пограничными войсками; Экономический суд СНГ; Межпарламентная ассамблея; Комиссия по правам человека (СНГ); Исполнительный комитет СНГ; Совет постоянных полномочных представителей; Экономический совет СНГ)

Из приведенной таблицы видно, что интеграционным объединением, наиболее развитым структурно, можно назвать, помимо Евросоюза, также МЕРКОСУР и АН. Создание общего рынка в рамках МЕРКОСУР соответствует третьему этапу интеграции из пяти выделяемых (зона свободной торговли, таможенный союз, создание общего рынка, экономический союз,

полная экономическая и валютная интеграция). Андское сообщество, в свою очередь, достигло второго этапа – создания таможенного союза. Однако в отличие от МЕРКОСУР данное объединение имеет более развитую наднациональную структуру, в которую входят действующие органы, способствующие снижению разрыва в экономическом развитии между странами-участницами, а также наднациональный Суд. Необходимо отметить, что из всех существующих региональных группировок аналогичные органы в настоящее время имеет лишь Евросоюз. Здесь же отметим, что в рамках СНГ также существует институт судебной власти, однако, как и большинство других органов данной системы, он является номинальным образованием. Само же Содружество Независимых Государств, несмотря на наличие значительного количества наднациональных органов в своей структуре (сопоставимой лишь с Евросоюзом и Андским сообществом), находится на начальной ступени интеграции, не будучи в состоянии развивать интеграционные процессы. Если в НАФТА интеграционные процессы ограничены зоной свободной торговли (первый этап интеграции), что отражает и институциональная структура объединения, представленная двумя органами и не претендующая на расширение, то в СНГ стагнация интеграционных процессов наблюдается на фоне противоположных по смыслу деклараций и раздутого наднационального аппарата при крайне невысокой эффективности его деятельности.

В целом вышесказанное продемонстрировало, что региональная интеграция наиболее вероятна при высоком институциональном сродстве стран-участниц. Снижение степени институционального сродства снижает как полноту вероятной интеграции, так и саму ее возможность. При этом значительная степень институциональных различий может быть сглажена высокой степенью цивилизационного и экономического развития стран, однако, так или иначе, институциональный паритет является неизбежным и необходимым условием интеграции.

Вторым обязательным условием успешной интеграции является достаточный уровень экономического и цивилизационного развития. В определенном смысле, исходя из сущностного единства онтогенеза и филогенеза человека и страны (этноса, нации, сообщества и т. д.), для решения данной задачи может быть применен культурно-исторический подход Выготского.

На основании теории культурно-исторического развития, описывающей поэтапное развитие субъекта, психологами и социологами неоднократно была доказана уместность подхода в контексте наций и этносов. Сравнивая степень развитости стран не за счет прямого сопоставления параметров, а поэтапно, мы избегаем необходимости выделения и сравнения определенных параметров, которые при разных типах цивилизационного развития

могут не просто не совпадать, но наличествовать и отсутствовать в хаотичном порядке.

Культурно-исторический подход Выготского и теория деятельности в определенном смысле позволяют сопоставить уровень развития («психологический возраст») стран при наличии принципиально разных типов цивилизации (и институтов), обуславливающих невозможность сопоставления их институционального развития.

Однако более распространенным способом сопоставления институционального развития является сравнение стран по основным традиционным показателям, значимость которых определяется в зависимости от организации, проводящей исследование. Так, Всемирный Банк отдает приоритет показателям экономического развития каждой страны. В свою очередь, ООН выделяет социальные и демографические аспекты. В качестве примера такой оценки можно привести определяемый исследованиями ООН индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index, HDI). Этот индекс определяется на основе статистических данных об ожидаемой продолжительности жизни, величины валового внутреннего продукта на душу населения, уровня грамотности среди взрослых, а также показателях обучающихся в начальных, средних и высших учебных заведениях, составляющих индекс уровня образования [9]. В данном случае адекватная оценка развития человеческого потенциала государства затруднена необходимостью учета качества образования, получаемого его гражданами.

В рамках ООН разработана также Система индикаторов региональной интеграции (System of Indicators of Regional Integration – SIRI) [10]. Данная система представляет собой ряд показателей, сформированных на основе выбранных значимых переменных, отражающих заданный аспект региональной интеграции, и позволяет оценивать ее эффективность, а также планировать дальнейшие мероприятия с учетом полученных данных.

Интерес к роли институтов в процессах экономической интеграции наблюдается в ряде работ, осуществленных в рамках так называемой «новой экономической географии» [11]: формального анализа расселения людей при помощи инструментария общего экономического равновесия. Подобный анализ нашел множество практических применений как к ситуации в Европе [12], так и в Азии [13]. Теоретиками этого направления отмечена ограниченность подхода общего равновесия: в стандартной модели с однородными предпочтениями и одинаковой технологией в конкурентном равновесии никогда не будет торговли (так называемая «теорема о пространственной невозможности» [1]). Необходимы некоторые различия в технологических возможностях, чтобы торговля была выгодна.

Новая экономическая география предлагает анализ того, как институты отвечают за возможность экономической интеграции и обуславливают то

или иное равновесие. Однако она ничего не говорит непосредственно об интеграции. Этот пробел восполняет ряд недавних работ об оптимальном размере страны, инициированных статьями Алезини и Сполаоре. Основная идея состоит в том, что оптимальный размер нации определяется из двух противоборствующих тенденций: экономия от масштаба говорит о том, что территория страны должна быть больше, но на большей территории может быть труднее договориться об экономической политике, так что группе граждан может быть выгодно отделиться [14]. Нетрудно видеть, что, вступая в экономический блок и связывая себя определенными обязательствами по отношению к другим странам, государство решает похожую задачу: балансирует выгоды и издержки от этого решения.

Подводя итог, можно сказать, что анализ понятия «институт» выявил многозначность и значительную степень размытости данного термина, а также позволил сформировать новую дефиницию, наиболее полно соответствующую с контекстом настоящего исследования.

Обосновано преимущество взращивания институтов в ходе экономического развития любой страны относительно их импорта.

Основным тезисом, подтвержденным данным аналитическим исследованием, является утверждение, что институты в процессе региональной интеграции играют собственно ключевую, системообразующую роль. Интеграция неразрывно связана и прямо проистекает от образования и развития институтов. Это наглядно подтверждается тем фактом, что именно с развитием и усложнением структуры институтов, расширением их функций и полномочий увеличивается степень интеграции. Без институционального развития эволюционный переход к следующему этапу интеграции невозможен.

Библиографические ссылки

1. *Fujita M., Thisse J.-F.* Economics of Agglomeration. – Cambridge : The Cambridge University Press, 2002. – P. 27.
2. *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance (Political Economy of Institutions and Decisions). – Cambridge : The Cambridge University Press, 1990. – P. 152.
3. *Рузавин Г.* Самоорганизация как основа эволюции экономических систем // *Вопр. экономики.* – 1996. – № 6. – С. 103–114.
4. *Олсон М.* Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления экономического роста // *Экономика и математические методы.* – 1995. – Вып. 4.
5. *Тамбовцев В. Л.* Институциональные изменения в российской экономике // *Общественные науки и современность.* – 1999. – № 4.
6. *Олейник А.* Сценарии институционального развития переходного общества // *МЭМО.* – 1996. – № 12.

7. Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М., 1995. – 165 с.

8. Подгусков В. Н. Механизмы формирования и технологии освоения интеграционных пространств в условиях глобализации : дис. ... канд. полит. наук. – М., 2010. – С. 191.

9. Доклад о развитии человека. 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. М. : Весь Мир, 2009. – С. 170.

10. De Lombaerde P. Assessment And Measurement Of Regional Integration. – London: Routledge, 2006.

11. Fujita M., Krugman P., Venables A. The Spatial Economy // J. of Economics. – Vol. 73, № 1 (2001). – P. 111–113.

12. Sardadvar S. Economic Growth in the Regions of Europe: Theory and Empirical Evidence from a Spatial Growth Model / Springer Verlag. – 2011. – P. 140.

13. Fujita M. Regional Integration in East Asia. Palgrave Macmillan. – 2007. – P. 37.

14. Alesina A., Spolaore E. On the Number and Size of Nations // The Quarterly J. of Economics. – 1997. – № 112 (4).

Поступила в редакцию 11.07.2013.

Рецензенты: А. В. Данильченко – проректор БГУ, доктор экономических наук, профессор;

К. В. Якушенко – доцент кафедры мировой экономики БГЭУ, кандидат экономических наук, доцент.

Л. В. Орлова

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РАМКАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА: СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

На основе анализа информации по евразийской интеграции в статье выделены этапы становления интеграционных образований на территории постсоветского пространства. Отмечены факторы, способствующие интеграции бывших союзных республик. Представлены данные объемов взаимной торговли стран Таможенного союза.

Base don thean alysis of information on Eurasian integration in article highlights stages of integration formations on the territory of the former Soviet Union republics. Marked the factors contributing to the integration of the former Soviet republics. Presents the data of foreign trade between the countries of the Customs Union.

Орлова Любовь Владимировна – старший преподаватель кафедры международного менеджмента экономического факультета БГУ, магистр экономических наук.
